

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В. В. ЛАПАЕВА *

Статья посвящена анализу перспектив правовой модернизации постсоциалистической России в ситуации, когда возврат страны на капиталистический путь развития в обозримой перспективе заблокирован. В центре внимания автора — вопрос о том, возможно ли правовое (т. е. осуществляемое в русле человекоцентристской парадигмы), демократическое, рыночное и вместе с тем некапиталистическое развитие России. В поисках ответа на этот вопрос автор стремится соединить познавательные потенциалы циклической теории социокультурной динамики России А. С. Ахиезера и концепцию цивилизма как постсоциалистического общественного строя В. С. Нерсисянца, основанную на его либертарно-юридической теории. Обосновывается тезис о том, что такая концептуальная стыковка социокультурного и институционального подходов должна быть осуществлена прежде всего в смысловом пространстве идеи справедливости и ориентирована на выработку принципов правовой (справедливой) десоциализации общенародной социалистической собственности. По мнению автора, достижение общественного договора о принципах такой десоциализации возможно на базе концепции цивилизма как строя, в котором каждый гражданин имеет равную с другими долю от капитализации десоциализированной социалистической собственности, составляющей общее наследство всех граждан России. Такой синтез идей братства и формального равенства позволяет учесть специфику российского подхода к социальной справедливости и вписать его в правовые рамки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая модернизация, справедливость, формальное равенство, социокультурный подход, институциональный подход, приватизация, десоциализация социалистической собственности, цивилизм.

LAPAeva V. V. THE PERSPECTIVES OF RUSSIA'S POST-SOCIALIST DEVELOPMENT: LEGAL ANALYSIS

This article is devoted to the analysis of the perspectives of legal modernization of post-socialist Russia in the situation when the country's return to the capitalist way of development will be blocked in the foreseeable future. The author concentrates on the following question: is it possible to maintain a law-based (i.e. which is carried out within the human-centrist paradigm), democratic, market-oriented development of Russia that would be at the same non-capitalist? Seeking an answer to this question,

* Лапаева Валентина Викторовна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник ИГП РАН.

Lapaeva Valentina Viktorovna — doctor of legal science, chief academic fellow at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: lapaeva07@mail.ru

© Лапаева В. В., 2014

the author tries to combine the cognitive potentials of A. S. Akhiezer's theory of cyclic dynamics of Russia and V. S. Nersesyants' concept of civilism as a type of post-socialist society, which is based upon his libertarian legal theory. The author argues that such a conceptual combination of socio-cultural and institutional approaches should be implemented primarily in the semantic space of the idea of justice and be focused on the development of the principles of the law-based (fair) desocialization of public socialist property. According to the author, the achievement of the social contract on the principles of such de-socialization may be carried out on the basis of the concept of civilism as a system in which every citizen has an equal share in the capitalization of the desocialized socialist property, constituting the common heritage of all Russian citizens. Such a synthesis of the ideas of brotherhood and formal equality enables to take into account the specifics of the Russian approach to social justice and to fit it into the framework of law.

KEYWORDS: legal modernization, fairness, formal equality, socio-cultural approach, institutional approach, privatization, desocialization of socialist property, civilism.

Не прошло и четверти века с распада СССР, положившего начало постсоциалистической трансформации России, как страна вновь оказалась на историческом перепутье. Судя по всему, присоединение Крыма к России и последовавшие вскоре события обозначили переломную точку в новейшей отечественной истории. Сами по себе эти события не привели к перелому, а лишь высветили с достаточной очевидностью тот факт, что возврат России на прерванный в начале прошлого века капиталистический путь развития в обозримой перспективе заблокирован. В данной ситуации важно понять причины такого положения дел и определить возможности правового выхода из этого исторического по своим масштабам тупика.

Под правовым выходом я понимаю решение основных проблем постсоциалистической России в русле человекоцентристской парадигмы правопонимания, ориентированной на расширение свободы человека и повышение его творческой активности. Вряд ли надо доказывать, что без создания максимальных возможностей для самореализации граждан в рамках и на базе права Россия не сможет решить такие актуально стоящие перед ней сложнейшие задачи, как достижение конкурентоспособности в глобальном экономическом пространстве при одновременной модернизации национальной экономики и всех связанных с ней сфер общественной жизни. А без решения этих задач страна уже в ближайшей перспективе будет безнадежно проигрывать партнерам по глобализации не только в экономическом, но и в социокультурном отношении, охватывающем ценности, нормы и стиль жизни.

С учетом сказанного вопросы, на которые необходимо ответить, следует сформулировать так. Возможен ли некапиталистический путь развития России после социализма? Может ли подобное развитие осуществляться в русле человекоцентристской идеологии, в рамках которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью для общества и государств? И может ли российское общество (с учетом всех особенностей его менталитета) воспринять такую парадигму правопонимания и соответствующую ей государственную политику?

В поисках ответов на эти вопросы целесообразно обратиться к работам авторов, которые сумели не просто предвидеть невозможность в обозримой исторической перспективе капиталистического варианта развития российской экономики и формирования адекватных ей политико-правовых

форм по модели либеральной демократии, но и дать этому серьезное теоретическое обоснование. Я не имею в виду популярные сейчас рассуждения о нежелательности или непригодности для России либерально-правовой демократии или о том, что «бывает разное право и разная демократия». На мой взгляд, научное и практическое значение этих рассуждений невелико, поскольку приверженцы подобных идеологем не поясняют, как может страна в условиях современного этапа глобализации развиваться вне русла процессов финансово-экономической интеграции и имманентно связанной с ними политико-правовой унификации, возможной лишь на началах права и демократии в их общепризнанном смысле. Ответственные исследователи, работающие в разных научных парадигмах — социокультурной и институциональной, — сходятся в том, что перспективы развития России должны быть связаны с общеглобализационными процессами. Однако причины, блокирующие движение страны в данном направлении, они трактуют по-разному. Соединение познавательных потенциалов таких подходов могло бы дать новый импульс осмыслению поставленной проблемы. Под этим углом зрения я рассмотрю далее две теоретические конструкции, разработанные в русле социокультурного и институционального подходов, — *циклическую теорию социокультурной динамики России А. С. Ахиезера и концепцию цивилизма как постсоциалистического общественного строя В. С. Нерсисянца, основанную на его либертарно-юридической теории.*¹

Фундаментальная работа А. С. Ахиезера, в которой наиболее полно изложена его авторская версия социокультурного (цивилизационного) подхода, называется «Россия: критика исторического опыта».² Под критикой исторического опыта автор понимает процессы осознания обществом (его активной частью) неизбежной ограниченности сложившейся культуры, присущих ей ценностей, норм, отношений и институтов, а также готовность и способность к их изменениям, отвечающим вызовам времени. В России, по мнению А. С. Ахиезера, импульсы к подобному саморазвитию в силу ряда объективных причин недостаточны. Это порождает острейшее противоречие между исторической инерцией и стремлением отдельных социальных групп и личностей «ответить на “вызов истории”, что требует выхода за рамки накопленного опыта».³ Неоднократные попытки модернизации страны раз за разом осуществляются по формуле «реформы — контрреформы», а нерешенность задач модернизации периодически приводит к охватывающим все общество резким «поворотам в системе ценностей, периодическим попыткам повернуться спиной к своему

¹ О внутренней взаимосвязи либертарно-юридической теории В. С. Нерсисянца и его концепции цивилизма см.: *Зорькин В. Д.* Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 144–147.

² *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. 2-е изд. В 2 т. Новосибирск, 1997–1998.

³ *Матвеева С. Я.* Расколотовое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Россия: критика исторического опыта. Т. 1 (<http://4plus5.ru/ist/001.MATVEEVA.pdf>). — А. С. Ахиезер полагает, пишет Матвеева, «что инерционность до сих пор остается угрозой для общественного развития России. Вопрос “какое, милые, у нас тысячелетие на дворе” все еще таит в себе двусмысленность, он актуален, и книга предупреждает об опасности архаизации, катастрофического упрощения культуры, общественных структур, всего общества, подстерегающей его на путях следования исторической инерции» (Там же).

вчерашему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню...».⁴

Фактором, блокирующим возможность конструктивной критики исторического опыта, является раскол как особый социокультурный феномен, присущий российскому общественному сознанию и социальным практикам. А. С. Ахиезер трактует раскол как болезненное, аномальное проявление бинарности человеческой культуры, обусловленной «стремлением людей превратить хаос в порядок, расчленив мир и синтезировать результаты расчленения».⁵ В основе как индивидуальных, так и массовых действий, пишет он, лежат смыслообразующие процессы, направленные на преодоление тех или иных дуальных оппозиций (между добром и злом, правдой и кривдой, либеральным и авторитарным и т. д.). Осмысление какого-либо нового явления означает прежде всего помещение его в логическую сферу между полюсами той или иной уже известной дуальной оппозиции. А далее происходит либо отождествление смысла нового явления со смыслом одного из полюсов (инверсионная логика осмысления), либо синтез противостоящих друг другу смыслов, т. е. взаимопроникновение культур (медиационная логика). Раскол как гипертрофия инверсии — это свидетельство отсутствия «жизненно важного ресурса для воспроизводства, для осуществления социального субъекта».⁶ Он возникает тогда, когда в обществе складываются прямо противоположные системы смыслообразования, а следовательно, ценностей и действий, разрывающие основы интеграции социума и запускающие глубоко скрытые механизмы саморазрушения. Эти соперничающие системы самоутверждаются за счет целого, не позволяя целому (России) вырваться из заколдованного круга промежуточной цивилизации и осуществить переход от традиционализма к цивилизации современного, либерально-модернистского типа.

Истоки многочисленных проявлений российской социокультурного раскола А. С. Ахиезер связывает с расчленением синкретичного вечного нравственного идеала на внутренне взаимосвязанные,⁷ а внешне находящиеся в постоянном противоборстве идеи соборности и авторитаризма, которые, по его оценке, представляют собой «разные полюса догуманистической нравственности».⁸ В России в силу особенностей ее исторического развития был запущен механизм постоянного самовоспроизводства этой главной дуальной оппозиции в структуре общественного сознания, предопределивший переходный характер цивилизационного развития страны, которой не удается вырваться за рамки инверсионных циклов, представляющих собой маятниковые колебания массового сознания и общественной практики, когда «стихия соборного мятежа сменяется

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 42.

⁵ Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 127.

⁶ Ахиезер А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 7.

⁷ Показательно в этом плане, что первичной организационной формой соборного идеала было собрание членов сельского мира, глав семей, т. е. носителей авторитарной власти на локальном уровне, а на закате перестройки как движения к соборно-либеральному идеалу «вече трех славянских большаков, глав трех государств — России, Украины и Беларуси — политически возглавило процесс ликвидации СССР» (Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 667).

⁸ Ахиезер А. С. Соборный нравственный идеал // Социокультурный словарь / Россия: критика исторического опыта. Т. 2 (<http://www.term.ru/dictionary/173/word/sobornyi-nravstvennyi-ideal>).

подавляющим авторитаризмом».⁹ Проблема заключается в том, что «ни одна из противоположностей расколотого общества не может уничтожить другую, не уничтожив себя».¹⁰ Поэтому выход из сложившейся ситуации может быть найден не в выборе одного из этих полюсов в ущерб другому, а в поиске третьего варианта, основанного на разработках срединной культуры. Процессы формирования срединной культуры, считает автор, зарождаются на базе идеологии и практики утилитаризма и постепенно, благодаря догматической непредвзятости утилитаризма, позволяющей создавать гибридные идеалы, переходят к утверждению и распространению либеральных ценностей и практик.

Большевизм оказался исторически нежизнеспособным именно потому, что не предложил обществу модель срединной культуры, а использовал в своих целях соборный идеал, придя к власти на инверсионной волне, в очередной раз увлекавшей Россию от авторитаризма к соборности. Захватив власть, большевики быстро (с чудовищной скоростью, по словам А. С. Ахиезера) переметнулись от соборного идеала к авторитарному, оставаясь при этом в рамках одной и той же идеологии.¹¹ Но большевики никогда не смогли бы оседлать эту гигантскую инверсионную волну, если бы не придали соборному идеалу с присущим ему глубоко архаичным манихейским делением мира на «Мы» и «Они»¹² видимость прогрессивной научной теории, находящейся на передовых рубежах западной философской и общественно-политической мысли. В результате такого соединения российской архаики с западным прогрессизмом им удалось добиться очень выигрышного для массового сознания «отождествления “правды” и “истины”, т. е. идущих из глубин истории массовых крестьянских представлений и выводов западной науки».¹³

Крах социализма был предрешен тем обстоятельством, что в условиях авторитаризма общество «вынуждено было имитировать интенсивное развитие экстенсивными методами, истребляя очаги прогресса, собственное разнообразие, живую мысль в большом и малом».¹⁴ К 80-м годам прошлого века СССР исчерпал возможности экстенсивного развития. А кроме того, страна уже не могла отгораживаться от идущих в мире глобализационных процессов, которые, в конечном итоге, и подорвали

⁹ Там же.

¹⁰ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 179.

¹¹ В. Ленин, писал в связи с этим А. С. Ахиезер, «не усматривал противоречия между соборным и авторитарным идеалами. Отождествление обоих идеалов, неспособность или нежелание понимать дуальность идеала при одновременных попытках использовать это различие для тайного манипулирования переходами между идеалами и составившее важный аспект псевдосинкретизма», лежавшего в подтексте большевистской идеологии» (Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 425).

¹² Эти идеи А. С. Ахиезера получили интересное развитие в книге И. Яковенко и А. Музыкантского «Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации», основная идея которой заключается в том, что заложенный в российскую культурную матрицу гностический элемент, порождающий пресловутое русское долготерпение, имманентно связан с манихейской готовностью сорваться в бунт в самый неожиданный даже для квалифицированного наблюдателя момент. Вся история развития России, считают авторы, может быть предстлана как чередование «периодов длительного доминирования гностических настроений и коротких ярких всплесков манихейского противоборства» (Яковенко И., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2012. С. 217).

¹³ Ахиезер А. С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.

¹⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 779–780.

железный занавес, втянув СССР в общемировой поток универсализации экономических и политико-правовых отношений. В этих условиях для широких слоев советского общества становилось все более очевидным, что дальнейшая технологическая модернизация экономики невозможна без социально-политической модернизации по либерально-демократическим образцам. Поэтому перестроечный поворот партийного руководства в сторону экономической и политической либерализации, отвечавший не только объективным потребностям, но и уже созревшим к этому времени массовым ожиданиям, прошел достаточно безболезненно.

Однако инверсионная природа этого поворота предопределила его спонтанный, непродуманный и эпигонский характер. Движение в данном направлении было непоследовательным и противоречивым, тем не менее около четверти века общий курс в основном выдерживался. Но после Крыма и без того заметно ослабевший в последние годы импульс к выстраиванию социально-экономической и политико-правовой моделей развития страны по западным образцам окончательно подавлен и сейчас идет процесс пересмотра идеологических ориентиров в сторону очередного возрождения той или иной версии архаичного соборного идеала. Либерализм по-русски в его дискредитировавшей себя постперестроечной версии уже не в силах ничего противопоставить этому процессу.

А. С. Ахиезер в своих последних работах фактически признает провал очередной попытки России вырваться из инверсионной парадигмы развития и склоняется к тому, что главные причины нынешнего отката от либерально-демократической модели западного образца носят объективный характер и лежат в ментальных особенностях российского общества. В России, пишет он, «исторически не сложился внутренний диалог, не сложились эффективные институты, способные обеспечить бесконфликтное сотрудничество, диалог между ценностями, сообществами традиционного типа и ценностями медиационной критики, не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между ними. Выход видится лишь в развитии массовой медиационной диалогической культуры...».¹⁵

Субъективную же сторону дела, связанную с дефектами самих реформ, А. С. Ахиезер ограничивает главным образом стремлением реформаторов «делать ставку на меры, которые неприемлемы для большинства населения, что в конечном итоге означает сползание либерализма с его собственных либеральных позиций. Такая двойственность, внутренняя противоречивость либерализма в условиях господства локальной соборности создает условия для элементов либерального утопизма, для веры в воплощение либерального идеала через слово и административное насилие».¹⁶ Чтобы уйти от подобного инверсионное переворачивания, российский либерализм, писал он, должен преодолеть свой абстрактный характер. Одним из основных проявлений абстрактности нынешнего российского либерализма является, по мнению А. С. Азхиезера, то обстоятельство, что реформаторы свели социальные преобразования главным образом к реформированию экономики. Подобный редукционизм, считает он, «противоречит принципам либерализма, является попыткой свести его суть к плоскому утилитаризму».¹⁷

¹⁵ Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 132.

¹⁶ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 682.

¹⁷ Там же. С. 684.

В такой позиции есть целый ряд моментов, по поводу которых я рискну поспорить с уважаемым мною автором.

Прежде всего надо сказать, что экономический аспект рассматриваемой проблемы отнюдь не является утилитарным, поскольку его содержание составляет преобразование отношений собственности. И здесь экономическая проблематика смыкается с самым фундаментальным вопросом нравственного сознания любого общества — с вопросом о справедливости распределения материальных благ. Однако проблеме справедливости в работах А. С. Ахиезера уделено на удивление небольшое внимание (показательно, что этого понятия нет в его детально разработанном социокультурном словаре), а ориентацию на уравнительность он сводит главным образом к «одной из социокультурных форм противостояния инновациям, опасным для традиционной культуры».¹⁸ При этом автор, во-первых, преувеличивает уравнительные тенденции массового сознания россиян постсоветской эпохи,¹⁹ а во-вторых, явно не хочет замечать наличия здесь моментов психологической фрустрации, связанной с уязвленным чувством справедливости в результате откровенно несправедливого характера преобразования отношений собственности.

Между тем с позиций сегодняшнего дня очевидно, что постперестроенная российская бюрократия, в значительной своей части вышедшая из недр КПСС, использовала антитоталитарный, либерально-демократический порыв общества для изменения формы собственности в своих интересах. И общество если и не вполне осознавало, то хорошо чувствовало несправедливость этой ситуации. Вынесенные перестройкой на политическую авансцену либералы-приватизаторы — это вовсе не демократы, поскольку в ключевом моменте преобразований они продемонстрировали своекорыстную элитарность. В результате этого, полагаю, вполне продуманного,²⁰ маневра от нелиберальной (большевистской) демократии Россия метнулась к недемократическому либерализму, не использовав историческую возможность формирования устойчивых элементов срединной культуры либерально-демократического типа прежде всего в сфере отношений собственности. Наш либерализм оказался верхушечным, недемократическим, ориентированным на свободу для некоторых. А в результате — он реанимировал старый раскол на «красных и белых»²¹ — на

¹⁸ Ахиезер А. С. Между циклами мышления и циклами истории. С. 124. — Показательно, что в лозунге средневековых крестьян Европы — «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?» — он интерпретирует лишь их восстание «против исторических сдвигов в обществе» (Там же. С. 131–132). В другом месте этой же работы он пишет: «Эмоциональная борьба за справедливость в локальном сообществе, в деревне, держится в безопасных для этой целостности границах, тогда как в большом обществе она может принять характер массового восстания, угрожающего национальной катастрофой». (Там же. С. 127). По логике такого подхода получается, что государству (т. е. «большому обществу») угрожает не отсутствие справедливости, а борьба за справедливость.

¹⁹ Имеющаяся на тот момент социологическая информация о состоянии общественного мнения по вопросам справедливости при ее надлежащей интерпретации в целом не давала оснований для подобных выводов (см.: Лапаева В. В. Социология права. Краткий учебный курс. М., 2000. С. 55–57).

²⁰ В этом контексте представляет интерес запись из дневника Л. Троцкого за 1936 г., где он говорит о том, что сталинская номенклатура рано или поздно захочет превратить свои привилегии в частную собственность (Померанц Г. Топаем вместе // Новая газета. 2008. 13.03–16.03. С. 23).

²¹ Показательно, что Президент РФ В. Путин, выступая перед политическим активом страны через месяц после референдума о статусе Крыма, проявил озабоченность по

богатых и бедных, на собственников и несобственников, на «хозяев жизни» и тех, кто живет с ощущением хронической депривации.

Главная ошибка либерал-приватизаторов состояла вовсе не в том, что они недооценили уравнилельный характер российского менталитета. Они недооценили значение справедливости как правовой основы общественного устройства, продемонстрировав в этом вопросе ту «совковую» неразвитость правосознания, в которой они обвиняли и продолжают обвинять общество. Между тем, справедливость, как верно замечено, — «это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина — первая добродетель систем мысли».²² Отсюда следует, что справедливость — это то, что придает смысл и предопределяет предназначение социальных институтов, т. е. то, без чего они являются не социальными, а антисоциальными институтами (аналогично тому, как «познание», не ориентированное на истину, — это не познание, а что-то прямо противоположное). В данной связи интересно отметить, что даже такой бесспорный для наших приватизаторов авторитет, как М. Тэтчер, будучи в 1996 г. в России и обращаясь к россиянам, сочла необходимым сказать следующее: «Чтобы люди поверили в себя, нужны две вещи: торжество справедливости и здоровая валюта».²³

Можно, конечно, говорить, что народ заслуживает то правительство, какое он и имеет, и что сами реформаторы не могли не быть носителями основных характеристик массового сознания. Но тогда мы полностью обесценим роль личности в истории, утратим критерии для оценки политических лидеров и нивелируем само понятие личной ответственности человека за свои поступки и зависящие от них судьбы страны. На мой взгляд, политики могли бы быть честнее и гуманнее, и эти простые человеческие качества (в силу внутренней связанности нравственного и правового сознания) не позволили бы им так оторваться в своей политике от идеи справедливости, составляющей этико-правовой стержень любого общества. Ссылки же на то, что иначе коммунисты с помощью «красных директоров» провели бы приватизацию в своих интересах и заблокировали движение страны к свободному рынку, нельзя признать убедительными. Этот аргумент можно было бы принять, если предпринятый реформаторами большевистский наскок помог бы сформировать основы свободного рынка и сделал бы движение к капитализму необратимым. Но этого не произошло. А кроме того, то обстоятельство, что сами реформаторы и их окружение явно не

поводу именно этого раскола. В своей ялтинской речи он сказал, в частности, следующее: «Считаю, что Крым может... сыграть уникальную объединяющую роль для России, став своего рода историческим, духовным источником, еще одной линией примирения как красных, так и белых, для того чтобы нам окончательно излечить рану, нанесенную нашему народу в результате драматического раскола XX века, восстановить связь времен, эпох, единство исторического пути России, нашего национального сознания, провести своего рода культурную, историческую терапию» (Владимир Путин: Крым может сыграть объединяющую роль для России // <http://rg.ru/2014/08/14/rol-anons.html>). Вопрос о том, сможет ли крымская терапия стать эффективным средством лечения застарелых российских болезней, выходит за рамки нашего анализа. В контексте рассматриваемой нами темы представляют интерес такие сформулированные здесь проблемы, как прерванное единство исторического пути России и порожденный XX веком раскол российского социума на красных и белых.

²² Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 19.

²³ Старков В. Маргарет Тэтчер о самом важном в политике // Аргументы и факты. 1996. 27 авг.

пострадали от собственных ошибок,²⁴ ставит под сомнение убедительность подобной аргументации.

Игнорирование социокультурного значения проблемы справедливости породило другую серьезную ошибку реформаторов, связанную с представлением о том, что на базе откровенно несправедливой, а значит — и неправовой по своей природе, десоциализации социалистической собственности в принципе может сформироваться свободная рыночная экономика. То обстоятельство, что широкомасштабная приватизация начала 90-х годов прошлого века, ставшая основой постсоциалистических преобразований, носила неправовой характер, вряд ли вызывает у кого-то сомнения.²⁵ Даже с точки зрения юридического позитивизма, связывающего неправомочность приватизации лишь с отступлениями от действовавшего на тот момент законодательства, масштабы нарушений законодательства явно переходят какую-то приемлемую черту.²⁶ С позиций же либертарно-юридического подхода приватизация социалистической собственности не могла иметь правового характера, потому что так называемая «социалистическая собственность», как неоднократно подчеркивал В. С. Нерсесянц, в принципе не может быть приватизирована правовым образом.

Правовая приватизация как разгосударствление государственной собственности путем передачи ее частным лицам возможна лишь тогда, когда государство действительно является собственником в экономическом и правовом смыслах данного понятия. В этой ситуации право владения, пользования и распоряжения соответствующим имуществом от государства как субъекта права собственности, участвующего в рыночном обороте наравне с иными субъектами права, может быть передано в частные руки. Но социалистическая собственность была по существу не собственностью в ее экономико-правовом измерении, «а неким симбиозом монополии коммунистической политической власти с монополией хозяйской власти, сплавом власти над членами общества с властью над его имуществом и богатством, сочетанием власти над людьми с властью над обобщественными вещами, — словом, единым политико-производственным комплексом, централизованным фондом производительных сил страны (включая и самих производителей), находящимся в ведении монопольной коммунистической власти».²⁷

²⁴ Например, такой информированный человек, как бывший экономический советник Президента РФ по экономической политике А. Г. Илларионов, говорит не столько об ошибках, сколько о своекорыстном поведении властных элит, использовавших реформы для личного обогащения (*Илларионов А. Г.* 1) Рынок без правопорядка — это не капитализм, а сицилизм // Комсомольская правда. 2012. 8 февр.; 2) Реформы 90-х в России провели во благо номенклатуры // Там же).

²⁵ Подобнее см.: *Лапаева В. В.* Приватизация социалистической собственности: конституционно-правовой и философско-правовой анализ // Вопросы права и политики. 2014. № 2.

²⁶ Об этом убедительно свидетельствуют материалы Аналитической записки Счетной палаты РФ (см.: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы. М., 2005). Представленные здесь сухие цифры живописно дополняет стенограмма судебного процесса «Б. Березовский против Р. Абрамовича», прошедшего в Высоком суде Лондона в 2011–2012 гг. (см.: *Барцевский М.* Счастливы неимущие (Евангелие от Матфея). Судебный процесс Березовский–Абрамович. Лондон, 2011/2012. М., 2013. Т. 1–2).

²⁷ *Нерсесянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001. С. 10.

Соответственно, и социалистическое государство в лице его партийной номенклатуры было не субъектом права собственности, а представителем общества, лишь распоряжавшимся (не на основе права, а посредством принудительно-командных методов) не принадлежащим ему общественным достоянием. С точки зрения права это общественное (а вовсе не государственное!) достояние не может быть передано отдельным частным (т. е. не всем, а некоторым) лицам, потому что такая форма десоциализации общего достояния противоречит правовому принципу формального равенства, составляющего сущностную основу любого правового явления или процесса.

Сначала коммунистическая власть убедила всех, что социалистическое государство — полноправный собственник общенародного достояния, а затем новая, посткоммунистическая власть внедрила в общественное сознание представление о том, что государство как собственник вправе передать эту собственность отдельным гражданам в целях обеспечения ее более эффективного функционирования. В обоих случаях такая подмена понятий сопровождалась агрессивной идеологической обработкой общественного сознания, поменялись лишь (причем, резко — в духе инверсионной логики) идеологические полюса: на смену коммунистической идеологии пришел экономический неолиберализм в его самой крайней версии. Суть этой версии неолиберализма можно вслед за Ю. Ю. Болдыревым выразить тезисом: «Приумножение общественного “пирога” дает даже самым бедным больше, чем попытки справедливого перераспределения этого “пирога”». ²⁸ Результат реализации данного тезиса, продолжает автор (бывший в свое время начальником Контрольного управления Администрации Президента РФ и заместителем Председателя Счетной палаты РФ), — «ни справедливости, ни приумножения общественного “пирога” — такой вот либерализм по-русски». ²⁹

Возможно, что наши властные и околовластные сторонники концепции неолиберализма, для которых источником свободы является «невидимая рука рынка», полагали, что таким образом они противостояли «совковой» ментальности с ее тягой к уравнительной справедливости. В итоге, вместо кропотливой просветительской работы по преодолению социокультурного раскола в осмыслении социальной справедливости путем раскрытия внутренней взаимосвязи идей свободы и справедливости они навязали обществу ложное столкновение этих идей, каждая из которых в отдельности выражена максимально ригористичной, принципиально непримиримой идеологической позицией.

Я говорю именно об ошибках реформаторов, а не о преступном своекорыстном умысле, потому что мы имеем дело как раз с тем случаем, по поводу которого можно с полным основанием сказать: это хуже, чем преступление, это ошибка. Однако ошибки гораздо лучше, чем исторические закономерности, на которые в данном случае ссылаются сторонники социокультурного подхода. Потому что ошибки можно исправить. Но для начала надо их признать, сформулировать и проанализировать с позиций

²⁸ Болдырев Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М., 2003. С. 4.

²⁹ Там же. — Показательна в этом плане позиция одного из идеологов данного направления либерализма — Ф. Хайека, — считавшего, что люди согласны «принуждать к единообразному соблюдению тех правил, которые значительно увеличили шансы всех и каждого на удовлетворение своих нужд, но платить за это приходится риском незаслуженной неудачи для отдельных людей и групп» (Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 239).

надлежащих критериев. И здесь социокультурная парадигма анализа может быть подкорректирована и дополнена институциональным подходом.

Корректировка требуется прежде всего в том моменте, где обнаруживается главная слабость социокультурного подхода к рассматриваемой проблеме — в презумпции доминирования объективной стороны дела над субъективной, закономерностей исторического развития страны над ошибками, допущенными в процессе реформирования. На первый взгляд, эта слабость выглядит как достоинство, поскольку акцент на глубинных, исторически обусловленных факторах кажется более обоснованным с научной точки зрения, чем выявление конкретных ошибок, допущенных конкретными людьми. Однако чистота научного анализа требует признать, что мы не знаем (и уже никогда не узнаем), сформировался ли у советского общества к началу 90-х годов прошлого века необходимый культурный потенциал для преодоления губительного социокультурного раскола, потому что лежащая в основе постсоциалистической трансформации страны реформа отношений собственности была направлена на эскалацию раскола в наиболее существенном для формирующегося общества вопросе. Реформа не просто возродила прежнее деление на «красных и белых», но и обострила его в максимально возможной степени. В этой ситуации недооценивать роль и значение ошибок было бы некорректным.

Именно признание ошибок допускает возможность применения институционального подхода, а значит, дает шанс избежать удара надвигающейся инверсионной волны. В ситуации, когда приверженцы цивилизационной парадигмы готовы уже «плыть по воле волн», оптимизм институционального подхода не позволяет «опустить руки». Суть этого оптимизма заключается в убеждении, что будущее можно и нужно творить сегодня,³⁰ исправляя сделанные ошибки и преодолевая «сопротивление среды» с помощью формирования социальных институтов, способных, с одной стороны, аккумулировать уже имеющийся успешный (в том числе и зарубежный) опыт, а с другой стороны, учитывать социокультурные особенности той среды, где им предстоит функционировать.

И даже тогда, когда для подобного оптимизма уже нет рациональных оснований, в запасе у этого подхода остается тезис, озвученный Дж. Гэлбрейтом на пленарном заседании XV Международных Лихачевских научных чтений в мае 2015 г.: «Для того чтобы продолжать что-то делать, не обязательно сохранять надежду».

К настоящему времени институциональный подход еще не сложился в некую единую общенаучную методологию исследования, и в каждой обществоведческой дисциплине он трактуется по-разному. Если для социологов суть этого подхода заключается в «ориентации на выявление устойчивых социальных отношений — институтов, представляющих собой опредмеченные структуры общественной деятельности»,³¹ а экономисты

³⁰ Тезис о том, что будущее можно творить, разделяют и некоторые сторонники социокультурного подхода. Работу по сотворению будущего они связывают с культурными инновациями, способствующими формированию «срединной культуры», с терапией манихейских комплексов путем социокультурной реформации и т. п. С этим нельзя не согласиться. Однако если подобная работа не будет сконцентрирована на главных направлениях, то она растянется на исторически необозримое время и вряд ли успеет достичь цели. Поэтому сейчас нужна активистская исследовательская парадигма, ориентированная на социальную инженерию, на научно обоснованный институциональный подход.

³¹ Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России (http://kirdina.ru/index.php?option=com_

связывают его с изучением институционально оформленных внеэкономических факторов, то для юристов институционализм означает в первую очередь способ научного осмысления социальных институтов с точки зрения юридически должного. При этом в зависимости от типа правопонимания исследователей под юридически должным имеется в виду соответствие социальной реальности либо законодательству как таковому (независимо от его правовой или неправовой природы), либо праву, получившему или не получившему выражение и закрепление в законодательной форме. В первом случае мы получаем информацию о степени легальности нормативно-институциональных форм социальной жизни, во втором — выявляем их правовой или неправовой характер.

С позиций либертарно-юридического правопонимания, трактующего право как «равную меру (масштаб, форму, норму) свободы, обладающую законной силой»³² (т. е. как систему позитивного права, соответствующую принципу формального равенства), институциональный подход рассматривается как методология, «позволяющая различать социальные явления, социальные институты и социальные практики правового и неправового типов». ³³ Более того, такой подход не просто оценивает реальность с точки зрения правовых норм и институтов, но и заставляет фактичность (в том числе и позитивное право) «подтягиваться» под правовые требования. Ведь язык права, писал В. С. Нерсесянц, носит не дескриптивный, а прескриптивный характер, он «не просто описывает то или иное фактическое состояние, но трактует (интерпретирует) его с позиций юридически должного», ³⁴ т. е. предписывает рассматриваемому фактическому состоянию надлежащие правовые характеристики. В этом смысле вся либертарно-юридическая теория представляет собой концептуальный базис юридического институционализма.

Если под этим углом зрения вернуться к проблеме приватизации социалистической собственности, то можно сказать, что анализ данной проблемы с точки зрения институционального подхода в его юридической версии предполагает наличие теоретической конструкции, которая могла бы выполнять роль правового критерия оценки соответствующей социальной практики и правового ориентира для ее совершенствования. На базе либертарно-юридического подхода В. С. Нерсесянцем разработана такая юридическая конструкция, выступающая в качестве идеальной (в смысле — предельно желательной) правовой модели института собственности в постсоциалистической России. Более того, применение принципа формального равенства к оценке процессов десоциализации социалистической собственности стало тем теоретико-методологическим импульсом, который позволил ему еще в конце 80-х годов прошлого века сформулировать идею нового постсоциалистического общественного строя, обозначенного как *цивилизм* (от латинского слова *civis* — гражданин).

С позиций права, писал В. С. Нерсесянц, все граждане — наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано право на равную долю во всей

content&view=article&id=215). — Такой институциональный подход в ряде своих значимых характеристик оказывается весьма близок к социокультурному.

³² Нерсесянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. М., 2006. С. 54.

³³ Яковлев А. В. Институциональный подход в юридической теории государства. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2009.

³⁴ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. М., 2004. С. 383.

десоциализируемой собственности, а соответственно и на равную долю доходов от всех форм ее рыночного функционирования. Социалистическая собственность тем самым преобразуется в индивидуализированную гражданскую собственность, а граждане становятся обладателями реального субъективного права на равный для всех минимум собственности. В организационно-правовом плане гражданская собственность представляет собой идеальную (т. е. не изымаемую в реальности) долю из общего фонда гражданской собственности. Сверх этого минимума допускаются все другие виды собственности, функционирующие в правовом режиме частной собственности.³⁵ По мнению автора этой идеи В. С. Нерсисянца, общество, где все граждане имеют природженное и неотчуждаемое право на определенный минимум собственности, — это новый тип общественного устройства.

В основе концепции цивилизма лежат следующие взаимосвязанные теоретические положения.

1. Собственность (и прежде всего собственность на средства производства) «является не просто одной из исходных и важных форм выражения прав и свобод людей, но и необходимой цивилизованной почвой для свободы и права вообще. Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода, право, равенство, независимая личность и т. д.»³⁶

2. Идея отрицания частной собственности, сопровождавшая всю историю становления и развития частнособственнических отношений, не утратит своей актуальности до тех пор, пока собственность на средства жизнеобеспечения не будет доступна каждому человеку.

3. Есть принципиальная разница между обществом с частной собственностью, которой по определению обладают не все (а, как правило, меньшинство, потому что развитие частной собственности ведет к ее концентрации по логике накапливаемого преимущества), и обществом, где каждый имеет долю в собственности на средства производства. Наделение всех граждан индивидуальной собственностью «радикально меняет все отношения собственности и сам тип общественного и государственно-правового строя: одно дело — антагонизм между собственниками и не-собственниками, и совсем другое дело — отношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях пожизненного неотчуждаемого равного права каждого на минимум собственности».³⁷

4. Суть социализма состоит в последовательном отрицании частной собственности. В этом смысле социализм — это не что иное, как антикапитализм, т. е. своего рода негативная стадия в развитии мировой истории, подготовившая почву для такого синтеза (в рамках диалектической формулы «тезис — антитезис — синтез»), который «диалектически “снимает” социализм и вместе с тем преобразует его итоги для единственно возможного и необходимого будущего».³⁸ Социализм — не ошибка истории, а способ форсированного (а потому насильственного и кровавого) продвижения по пути исторически обусловленного преодоления частной собственности.

5. Социализм воплотил идею отрицания частной собственности путем деперсонализации (обезличения) субъекта собственности и придания статуса такого субъекта государству, которое, по сути дела, не являлось собственником ни в правовом, ни в экономическом смысле этого понятия.

³⁵ *Нерсисянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 21.

³⁶ Там же. С. 17.

³⁷ Там же. С. 28.

³⁸ *Нерсисянц В. С.* Философия права. С. 406.

Отсюда следует, что и постсоциалистическое государство не является собственником «социалистической собственности» и, следовательно, не вправе приватизировать ее. Подобные преобразования — это право народа, который не наделял государство правомочием по передаче общенародного достояния в частные руки. С позиций такого подхода «полное лишение политической власти права на бывшую социалистическую собственность является *необходимым условием для окончательного раскрепощения населения, для формирования свободных граждан и свободных собственников*».³⁹

6. В основе цивилизма как постсоциалистического общества должен лежать общественный договор «о собственности, о способах формирования и реальном содержании фонда общей гражданской собственности».⁴⁰ В рамках подобного договора, заключаемого между большинством членов общества, оказавшимся в результате приватизации без собственности на средства производства, меньшинством, получившим собственность по итогам приватизации, и государством, выступающим в двух своих ипостасях — в качестве собственника огосударствленных в ходе приватизации объектов прежней социалистической собственности и в качестве публичной власти, речь должна идти обо всей социалистической собственности, а не только о собственности на природные ресурсы (с предложениями о различных вариантах использования природной ренты в интересах широких слоев населения выступает сейчас целый ряд известных экономистов и политиков).

С позиций предлагаемой теоретической конструкции очевиден полностью неправовой характер проведенной (а также проводимой и планируемой) в стране приватизации социалистического наследства. *Что означает такой характер приватизации для экономического и политико-правового развития страны?* Если не брать в расчет идею возврата к социализму (этот исторический эксперимент Россия отработала до конца), то вопрос следует поставить так: «Можно ли ожидать, что в обозримой перспективе на базе такой приватизации сформируются нормальная рыночная экономика и адекватные ей политико-правовые формы?».

Оптимистический ответ на этот вопрос сводится к представлениям о том, что в стране уже существуют все формальные атрибуты рыночной экономики: частная собственность, господствующие позиции негосударственного сектора, рыночная инфраструктура и т. д. Что касается необходимости демократических правовых институтов, соответствующих рыночной экономике, то в этом вопросе оптимисты расходятся.

Сторонники теорий евразийства, византийства и иных подобных идеологических конструкций, обосновывающих политико-правовую самобытность России, считают, что западная модель правовой демократии, в основе которой лежит принцип приоритета прав человека, не адекватна российской ментальности, ориентированной на приоритет общественных и государственных интересов и ценностей. Они полагают, что рыночную экономику в России надо строить с опорой на «самобытные» авторитарные инструменты управления, и любят при этом ссылаться на Китай. По поводу Китая следует заметить, что в литературе присутствуют весьма противоречивые версии объяснения китайского «экономического чуда», но безусловно ясным представляется следующее: 1) это «чудо» носит пока что слишком кратковременный характер, чтобы можно было взять его

³⁹ *Нерсесянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 53.

за основу российской модернизации; 2) факторы, которые его породили, отсутствуют в России; 3) предлагать современной России в качестве образца страну, чья правовая система все еще в немалой степени держится на подзаконных актах местного нормотворчества, доступ к которым «может быть ограничен» и о существовании которых «не всегда можно узнать из открытых источников»,⁴¹ по меньшей мере несерьезно.

Приверженцы развития страны в русле авторитарной парадигмы не учитывают, что *демократические институты являются имманентным элементом рыночной экономической системы*. Хорошо изученный правовой опыт Запада (чего нельзя сказать о правовой практике современного Китая) свидетельствует о том, что принципиально важный для рыночной экономики баланс между свободным развитием экономических отношений и их публично-правовым регулированием может быть найден только на основе реальной политической конкуренции. Как показывает практика, именно живая многоканальная связь экономической подсистемы общества со всеми иными социальными подсистемами за счет механизмов парламентского представительства социальных интересов способна обеспечить нормальное развитие цикличной по своей природе рыночной экономики.

Без политической конкуренции, главным признаком которой является периодическая ротация властных элит по итогам демократических выборов, невозможно уловить тот момент, когда переком в сторону слишком «свободного» рынка означает поворот к монополизации экономики, либо, напротив, когда чрезмерное вмешательство со стороны государства начинает блокировать развитие частной инициативы. А значит, невозможно обеспечить экономическую конкуренцию (основу рыночной экономики), даже если властные элиты будут искренне к этому стремиться. Экономика, функционирующая в отсутствие демократии, — это, скорее всего, лишь имитация рыночной экономики. Возможно, что в течение какого-то периода она может быть эффективной за счет привходящих, т. е. не относящихся к самой экономике, внешних факторов. Но подобный исторически случайный опыт не поддается воспроизведению и не может быть взят за ориентир.

Другие оптимисты, полагающие, что можно выстроить рыночную экономику на базе уже сложившихся отношений собственности, считают, что для этого необходимо лишь обеспечить надлежущую демократическую инфраструктуру, т. е. создать независимую и некоррупцированную судебную систему, вырастить «класс неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев»,⁴² сформировать представительную власть, способную к адекватному законодательному выражению социальных

⁴¹ Трошинский П. В. Влияние традиции на право современного Китая // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 98. — «В современной правовой системе КНР, — отмечает в связи с этим автор, — самих законов крайне мало». Это относится даже к сфере уголовного права. Показательно, что до принятия Уголовного кодекса КНР в 1979 г. действовал экспериментальный нормативный акт, который «по сути был закрытой инструкцией для работников суда и прокуратуры, и подсудимый узнавал о его статьях лишь при вынесении обвинительного приговора. Работающим в правовом поле Китая иностранным юристам и исследователям китайского права зачастую приходится анализировать огромную нормативную базу для поиска ответа на интересующий правовой вопрос, при этом последнее слово всегда остается за китайским правоприменителем...» (Там же. С. 99).

⁴² *Неэкономические* грани экономики: непознанное взаимовлияние. М., 2010. С. 23.

интересов, и т. д. Однако они не учитывают, что *демократия как политико-правовая форма опосредования капиталистической экономики выросла из преодоления феодального симбиоза власти и собственности*. Этот процесс не был, а возможно, и не мог быть доведен до конца в рамках капиталистической системы, что в значительной мере обуславливает известные недостатки современной демократии. Но данное обстоятельство не меняет того, что демократические институты формируются только на базе разграничения власти и собственности и что степень демократии определяется мерой такого разграничения. Между тем приватизация, проведенная в России в 1990-е годы, привела как раз к слиянию власти и собственности.

Неверно думать, что социалистическая административно-командная система была тем симбиозом власти и собственности, от которого мы ушли благодаря разгосударствлению общенародной собственности путем ее приватизации. Для такого симбиоза нужна реальная собственность, соответствующая экономическому и правовому смыслу данного понятия. Но социалистическая «собственность» не была собственностью в строгом смысле слова. Именно благодаря приватизации была изменена природа социалистической квазисобственности, и она впервые на самом деле — в экономико-правовом смысле — была огосударствлена: государство наравне с созданными им другими частными собственниками стало полноценным субъектом рыночных отношений.⁴³ Таким образом, *приватизация как неправовая форма десоциализации общенародной собственности означала не разгосударствление этой собственности, а, напротив, — ее огосударствление*. А поскольку государство в лице своей бюрократии создавало новых собственников по своему усмотрению (иное при такой модели десоциализации собственности просто невозможно), то слияние власти и собственности было неизбежным. Избранная же при этом самая неправовая, т. е. самая произвольная, самая пренебрежительная к интересам большинства граждан схема приватизации⁴⁴ лишь усугубила неправовой характер демонтажа социалистической экономической системы, но не породила его.

С позиций такого подхода пресловутая российская коррупция — это всего лишь верхушка айсберга, точнее, видимая часть того краеугольного камня, который лежит в основе нашей экономики, а именно *неофеодального симбиоза власти и собственности*. Такая основа отношений собственности во многом предопределяет и соответствующие ей политико-правовые формы. Во многом, но не во всем, что оставляет надежду на развитие.

Рассматривая ситуацию с большой долей мрачного оптимизма, можно было бы надеяться на то, что с точки зрения уже известной логики исторического развития от социалистического рабства через неофеодализм в принципе можно когда-нибудь прийти к капитализму. Но у России нет возможности, как прежде, веками «вариться в собственном котле»,

⁴³ *Нерсесянц В. С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. С. 46.

⁴⁴ По классификации Мирового банка российская приватизация обозначена как инсайдерская (см.: *Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике*. 2-е изд. М., 2010. С. 336). Возможно, если бы российская приватизация проводилась так, как в Восточной Европе, то России удалось бы выиграть время для формирования срединной культуры и лечения манихейских комплексов. Но есть не меньше оснований полагать, что и более мягкий (более справедливый) вариант приватизации в наших условиях не снял бы раскол, а лишь оттянул бы инверсионный реванш.

осуществляя «маятниковые» колебания между «полярными полюсами». В XX в. страна дважды пережила ситуацию, о которой можно сказать словами шекспировского героя «распалась связь времен», т. е. разрушились сами основы общественного бытия, девальвировались передававшиеся из поколения в поколение главные ценности и нормы социума, произошло крушение государственности. Очередной разрыв исторической преемственности будет иметь катастрофические последствия для России как единого целого во всех смыслах этого понятия, включающего социальную интеграцию, политическое единство и территориальную целостность государства. Даже авторы, которые более оптимистично, чем А. С. Ахиезер, оценивают циклы российских реформ — контрреформ, полагая, что они представляют не столько «круговое» движение по одной и той же траектории, сколько витки модернизационного развития, в результате которых «российское общество существенно преобразуется и модернизируется»,⁴⁵ отмечают недопустимо расточительный характер такого типа развития.

Поэтому надежды могут быть связаны только с поиском нетривиальных творческих решений, способных переломить движение того исторического маятника, который уже получил у специалистов обозначение «маятник Ахиезера». Концепция цивилизма В. С. Нерсисянца — одна из таких творческих находок, ориентированная на решение главной проблемы постсоциалистического развития — проблемы собственности. Если интерпретировать эту концепцию в контексте задач по преодолению российского социокультурного раскола, то можно сказать, что ее автор предлагает искать срединные жизненные смыслы, способные консолидировать общество и залечить его психологические травмы, в смысловом пространстве идеи справедливости, а точнее, в его наиболее актуальной «болевого точки», где через вековые наслоения нерешенных «русских вопросов» пульсирует нерв современной российской жизни — в вопросе о справедливости десоциализации социалистической собственности.

Синтезирующий потенциал концепции цивилизма обусловлен ее диалектическим характером: цивилизм — это диалектический синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности (которая, по природе своей, может быть лишь у некоторых, но не у всех), и социализма, отрицающего частную собственность. Другой особенностью данной концепции, позволяющей ей интегрировать разные теоретические и идеологические подходы, является то, что она возрождает и вводит в правовые рамки идею *братства* — неотъемлемую составную часть великой триады «Свобода — равенство — братство». Не жаловавший эту идею классический либерализм сделал акцент на идеях свободы и равенства, имея в виду формальную свободу как возможность делать все, что не мешает свободе других людей, и формальное равенство как равенство перед единым для всех законом. Что же касается идеи братства, не вписывавшейся в формальные рамки, то она надолго выпала из сферы общественного интереса. Концепция цивилизма, закладывающая эту идею в основу нового постсоциалистического социума, связывает ее не с фактическим равенством в потреблении (что характерно для коммунистической доктрины) и не с социальной политической государством (которая в значительной мере представляет собой государственную благотворительность), и даже не со все более популярной сейчас на Западе идеей гарантированного дохода, не

⁴⁵ Пантин В. И. Циклы реформ — контрреформ в России и их связь с циклами мирового развития // Полис. 2011. № 6 (<http://politstudies.ru/fulltext/2011/6/4.pdf>).

зависящего от трудового вклада,⁴⁶ а с принципом формального равенства всех граждан страны в деле наследования общенародного достояния социализма, которое было получено путем насильственно-кровавой «экспроприации экспроприаторов» и упрочено в результате беспрецедентных усилий нескольких поколений советских людей.

Концепция цивилизма предстает как синтез идеи братства (мы все — наследники социалистической собственности как члены одной семьи) и правовой идеи формального равенства (мы наследуем в равных долях доходы от десоциализации этой собственности). Таким образом, данная концепция позволяет, с одной стороны, учесть специфику России и исторические достижения страны в ее мучительных поисках социальной справедливости, а с другой — вписать вектор ее политико-правового развития в общецивилизационное движение к свободе.

Подобные идеи не могли быть реализованы в постсоветской России, что стало ясно уже после первого этапа массовой приватизации, в результате которого заметно поубавился романтический подъем, связанный с крахом социализма. А последующее развитие событий обнажило такие неожиданные характеристики российского общества, которые еще предстоит осмыслить. Однако все это, разумеется, не снижает критериального значения рассматриваемой правовой конструкции, которая может быть использована для оценки тех вариантов решения проблемы собственности, которые будут оптимальны в сложившейся ситуации. Например, применение такого критерия к обсуждаемой среди специалистов идее так называемого «компенсационного налога на нечестную приватизацию»⁴⁷ означало бы, что речь должна идти не просто об изъятии в форме налога денег или акций приватизированных предприятий в пользу государства, а об обеспечении максимального общественного контроля за этим процессом, о достижении общественного согласия по вопросу о том, куда

⁴⁶ За этой идеей уже стоит целая международная сеть BIEN (Basic Income Earth Network), в которую входят 17 национальных организаций из ряда развитых стран. В Германии уже несколько лет обсуждаются предложения о выплате каждому гражданину страны ежемесячной суммы в размере около 1,5 тыс. евро за счет отмены иных социальных выплат и изменения налогообложения (*Werner G. Das manische Schauen macht uns alle Krank // Stern. 2006. Vol. 17. S. 177–181*). Недавно в Швейцарии собраны подписи в поддержку референдума о введении ежемесячной выплаты государством каждому гражданину в размере 2500 франков (2000 евро), а в американском штате Аляска Перманентный фонд ежемесячно платит каждому жителю около тысячи долларов (цифра колеблется в зависимости от цен на добываемую здесь нефть) (*Поликовский А. К вопросу о коммунизме // Новая газета. 2013. 22 ноября*).

⁴⁷ Беседа Е. Черных с директором Института проблем глобализации М. Делягиным в эфире // Комсомольская правда. 2012. 20 февр. (<http://newsland.com/news/detail/id/894432>). — Ранее аналогичный вариант легитимации собственности предложил лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Стиглиц в своем выступлении на Круглом столе, проведенном под эгидой Счетной палаты РФ. Необходимо, сказал он, «потребовать от приватизированных компаний вернуть средства, недоплаченные в виде налогов», причем сделать это не только в денежной форме, но и в форме акций (Материалы официального обсуждения вопросов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 год с ведущими российскими и зарубежными учеными // Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. С. 332). Иной вариант решения проблемы, предлагавший рядом представителей крупного бизнеса, связан с созданием специальных программ «спонсорской деятельности под контролем, арбитражем со стороны гражданских организаций» (*Аузан А. Общественный договор и гражданское общество. Публичная лекция. <http://civisbook.ru/files/File/Auzan.pdf>*).

должны быть направлены эти деньги, а в перспективе — об аккумуляции этих средств, а также средств, получаемых от последующей приватизации или возврата по суду в государственную собственность активов приватизированных предприятий (а такой вариант решения проблемы, судя по всему, может быть апробирован уже в ближайшее время на примере «Башнефти»), в фонде гражданской собственности.

Концепция цивилизма, изложенная автором в том числе и в широкой печати, не была воспринята представителями ни одной из политических сил. Отечественные⁴⁸ и зарубежные⁴⁹ либералы сочли эту концепцию новой версией эгалитаризма социалистического толка. Приверженцы коммунистической идеологии, напротив, расходятся с цивилизмом в вопросе о сохранении частной собственности и присущей ей дифференциации в распределении социальных благ. Основная же, не столь политизированная, масса читателей отвергает в идее цивилизма как раз то, что составляет ее главное достоинство, а именно концептуальную оформленность, идеологическую направленность (В. С. Нерсесянц трактовал цивилизм как национальную идею России) и претензию на универсализм. В связи с этим интересно отметить, что на отторжение российским обществом идей, выражающих в концентрированном виде концептуально оформленную идеологию, сетовал и сторонник попперовской концепции открытого общества Д. Сорос. «Людам в России, — писал он, — не до универсальных идей. Они слишком заняты поиском своего места в жизни, их заботят проблемы выживания, и... они с полным правом могут сказать, что коммунизм тоже был универсальной идеей, вот, посмотрите, куда он привел нас».⁵⁰

В неприятии концепции цивилизма научным сообществом сыграло свою роль и то обстоятельство, что идея цивилизма как нового общественного строя, сформулированная автором на базе гегелевской диалектической триады «тезис — антитезис — синтез», с точки зрения логики исторического развития означает признание социализма в качестве объективно обусловленного негативного (антикапиталистического) этапа исторического развития, подготовившего почву для такого синтеза, который «диалектически “снимает” социализм и вместе с тем преобразует его итоги для единственно возможного и необходимого будущего».⁵¹ Распространенные представления о социализме как об «ошибке истории», а также накопившаяся в нашем обществоведении усталость от диктата догматического марксизма породили представления о том, что понятия «капитализм» и «социализм» не адекватны сложностям современного мира. Постсоветское обществоведение как-то слишком легко отбросило вместе с опостылевшими идеологическими догмами марксизма и основное содержание социальной философии К. Маркса — диалектическую взаимосвязь экономических (производственных) отношений и опосредующих эти отношения политико-правовых форм. Однако если западное постиндустриальное общество уже не вписывается в упрощенные схемы экономического детерминизма (хотя и там последний финансово-экономический кризис заметно

⁴⁸ Четвернин В. А. Предисловие к Ежегоднику либертарно-юридической теории. 2009. Вып. 2. С. 40.

⁴⁹ Sproeder A. Stichword Zivilismus. Geschichtskonstruktion und politisches Programm in der Rechtsphilosophie von V. S. Nersesjanc // Hamburg. 2004. S. 357–384.

⁵⁰ Сорос Д. Может ли Россия показать миру путь к открытому обществу? (Речь на торжественной церемонии по случаю 10-летия Фонда Сороса в России). М., 1998 (<http://old.russ.ru/journal/inie/97-10-21/soros.htm>).

⁵¹ Нерсесянц В. С. Философия права. С. 406.

подогрев интерес к марксизму), то наша реальность настолько груба и прямолинейна, что марксова диалектика базисного экономического содержания и надстроечных политико-правовых форм является весьма эффективным теоретико-методологическим инструментом для ее осмысления.

Но, пожалуй, главная причина столь явного нежелания всерьез обсуждать проблему выработки справедливых правовых основ преобразования постсоциалистической собственности кроется в боязни прикоснуться к болезненной точке национальной фрустрации, порожденной *крахом идеи социалистической справедливости* со всеми ее завышенными амбициями и несбывшимися надеждами. Несколько поколений россиян выдерживали колоссальное напряжение тотального отчуждения от собственности, а значит, от права и свободы, только потому, что были воодушевлены идеей построения справедливого общества как принципиально нового проекта будущего, имеющего общечеловеческое значение. Именно с дискредитацией этой идеи, выражавшей заявку России на всемирно-историческую миссию, связаны наиболее глубинные болевые точки современного общественного сознания россиян. Для значительной части населения ощущение уязвленности национального самосознания во многом обусловлено крушением претензий нашей страны на осуществление (пусть и далеко не совершенное) самостоятельного проекта справедливого общественного устройства, представляющего общечеловеческое значение.

Нам всем надо преодолеть эти комплексы и, пока не поздно, начать общественную дискуссию, по итогам которой можно было бы нащупать контуры приемлемого на данный момент *общественного договора о собственности*. Надо перестать бояться больших идей, потому еще сохраняющийся (как хотелось бы думать) шанс для России не выпасть из общецивилизационного процесса может быть связан только с прорывными идеями исторического масштаба. С идеями, ориентированными на решение задачи, которую И. Валлерстайн (один из наиболее авторитетных современных критиков капитализма как неэгалитарной социальной системы) обозначил так: «Наша задача сегодня, и на ближайшие пятьдесят лет, — задача утопистики. Это задача — представить себе и, преодолевая преграды, попытаться создать этот новый социальный порядок. Ибо никоим образом не гарантировано, что конец одной неэгалитарной исторической системы подведет к лучшей системе. Сегодня нам нужно определить конкретные институты, через которые наконец-то сможет выразиться освобождение человечества... Мы должны вступить в громадный всемирный мультилог, ибо решения никоим образом не очевидны».⁵² Судя по всему, у России уже нет в запасе этих пятидесяти лет. Поэтому для нас поиск идей, способных заполнить рвы социокультурного раскола срединными смыслами, примиряющими крайности на общезначимых началах правовой справедливости (а никак иначе их примирить нельзя — на этот счет не должно быть никаких иллюзий), и легитимация на этой основе формирующегося общественного устройства — это задачи сегодняшнего дня.

⁵² Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 140.